

В лесу царила тишина, та особенная тишина, которая бывает только под утро, когда все вокруг словно замирает в предвкушении нового дня. Затишье нарушалось лишь размеренным стуком дятла, уже приступившего к своей трапезе, да хрустом снега под сапогами охотника. Охотника звали Андреем, и сегодня он пришел в лес, чтобы добыть себе пропитание – охота была для него единственным средством существования вот уже почти десять лет. Местная чащоба не радовала обилием дичи, поэтому жизнь охотника была нелегкой. Особенно тяжело ему было переносить долгие, суровые таежные зимы, когда все зверье засыпает в своих норах, покрытых плотным, холодным снежным покрывалом.

Впрочем, сейчас охотнику было весело, несмотря на голод – ра-

достная атмосфера зимнего утра способна подавить любую тоску. Он шел, с трудом переставляя ноги, одетые в тяжелые кирзовые сапоги на размер больше, которые так и норовили завязнуть в плотном, слегка подтаявшем снегу. На плече у охотника висело старое, потемневшее от времени ружье, на поясе – нож в самодельных ножнах.

Он шел по свежей тропе оставленной, судя по следам, лосем. Время от времени он останавливался и внимательно оглядывался по сторонам, глубоко вдыхая зимний холодный воздух. В эти минуты его заросшее бородой, красное от мороза лицо выражало сосредоточенность, почти отрешенность.

Тропинка вела его на вершину засыпанного толстым слоем снега холма. С трудом, постоянно поскользываясь, Андрей вскарабкался по звериной тропе на самый верх. Остановился, отер пот со лба тыльной стороной руки и оглянулся кругом, невольно улыбнувшись. От вида, что открывался с холма, захватывало дух.

Со всех сторон и до самого горизонта раскинулась заснеженная тайга, непроходимая чащоба, ровным пологом тянувшаяся по земле с выступающими из нее холмами, подобными тому, на вершине которого стоял охотник. Девственно чистый, ослепительно белый, прекрасный снег лежал на деревьях, холмах, застывших ручьях, словно одеяло... безоблачное, синее-синее, пронизанное солнечными лучами утреннее небо прекрасно дополняло картину. На горизонте оно будто сливалось с бесконечным заснеженным лесом, становясь с ним единым целым. Где-то вдалеке раздавался странный, постепенно затихающий гул, свистели птицы... это был один из моментов, ради которых стоит жить.

Но всему приходит конец. Очарование зимнего пейзажа постепенно ослабевало, и солнце стремительно поднималось к зениту. И хотелось есть.

Андрей вспомнил, ради чего он здесь. Сняв с плеча ружье, усилием воли он заставил себя сосредоточиться на следах и звериной тропе. Тропа эта спускалась с противоположной стороны холма, делала странный крюк и углублялась в чащу. Охотник последовал за ней, опасливо, стараясь удержать равновесие на крутом склоне.

Он уже почти спустился, когда неловко оступился, потерял равновесие и упал, заскользив по склону вниз. В тот момент, когда он скатился до самого подножия, Андрей вдруг почувствовал, как земля под его весом подалась и затрещала, словно куча хвороста – и с ужасом осознал, что это и не земля вовсе, а настил из веток, под которым чувствуется что-то мягкое, податливое, живое.

Чудовищный, низкого тембра рык огласил зимний лес – и все во-

круг смолкло. В этом реве чувствовалась жажда убийства, жажда крови, беспощадная жестокость. Андрей стоял на коленях посреди разворошенной им медвежьей берлоги – маленький, жалкий, беззащитный человек во власти могучего зверя. Смерть нависла над ним, и смерть эта выглядела отвратительно, от нее несло падалью и свалывшейся шерстью – огромный медведь, разинувший пасть в грозном оскале. Время остановило свой ход. Все вокруг будто застыло, и Андрей отчего-то вспомнил, как он впервые попал в эти гибельные, дикие места...

... Андрей поправил рюкзак и подошел к старухе, застывшей на завалинке, словно изваяние. Нагнувшись к ней, он произнес, стараясь говорить громко и отчетливо:

– Здравствуйте! Я только что из города. Хочу обосноваться здесь на некоторое время. Люди говорят, будто у вас есть свободная изба.

Старуха молчала. Тогда он добавил:

– Я вам заплачу.

Старуха медленно, с усилием, подняла голову. Он видел ее сухое, морщинистое лицо, бесцветные глаза и думал о том, сколько же ей могло быть лет. Уж никак не меньше девяноста. Казалось, что она видела многое на своем веку, и это многое оставило на ней свой отпечаток.

Она перевела на Андрея взгляд выцветших глаз, медленно, с усилием разлепила ссохшиеся, тонкие губы и промолвила, выговаривая с трудом каждое слово:

– Свободная изба? Свободная... есть. Много тут свободных. Только кому нужна такая свобода... хозяева умерли, дома пустые стоят... бери любой... только кому это нужно? Вымирает деревня...

Ее голос ослаб до почти неслышного шепота, но она еще продолжала что-то говорить, утомленно прикрыв глаза. Андрей больше не слушал ее.

...Спустя несколько дней он обнаружил, что деревня действительно вымирала – точнее, она уже представляла собой полуразложившийся труп. Пустые избы, зияющие черными провалами выбитых окон и дверей, походили на черепа.

Выбрав себе самую крепкую с виду избу, он постепенно восстанавливал свое новое жилище, но прошло много времени, прежде чем оно вновь приобрело обжитый вид.

Кроме Андрея в деревне жило семь человек – старики и старухи, одинокие, брошенные на произвол судьбы. Все, у кого имелись родственники, давно уже переехали из этого маленького островка жизни посреди дикой тайги.

Оставшиеся еще помнили время, когда деревня процветала. Жи-

тели торговали дарами природы: кедровым орехом, пушниной, ягодами... Но всему на свете приходит конец. Подошла к концу и счастливая жизнь деревни. В стране начались тяжелые времена, и о деревенских забыли. Навсегда осталась недостроенной дорога, которая должна была обеспечить регулярную связь с городом. Люди стали покидать родные дома.

Андрей прожил в деревне несколько лет, прежде чем остался единственным ее жителем. Последней умерла девяностолетняя старуха.

...Он не заметил, как в руках его оказалось ружье. Зверь резко взмахнул лапой, мелькнули страшные когти. Охотник ушел в сторону быстрым, скользящим движением, но все же медведь задел его. Алая кровь брызнула, окрасив снег узором из множества капель. Охотник закричал, трясущимися руками прижал приклад к плечу и выстрелил из обоих стволов почти в упор. Он не целился, к тому же ружье не было рассчитано на крупную дичь, поэтому выстрел не нанес зверю серьезного урона. Медведь взвыл от боли, закрутился на месте, на время забыв про человека. Воспользовавшись этим, Андрей бросился бежать.

Он бежал изо всех сил, отбросив в сторону тяжелое и бесполезное ружье, но ноги были словно ватные. С каждым толчком сердца кровь покидала его тело через разодранный когтями бок. Каждый последующий шаг давался ему тяжелее, чем предыдущий. Ушел он недалеко. Привалившись к толстому, холодному стволу дерева недалеко от злополучного холма, слушал, как в ушах стучит кровь, повинуюсь сумасшедшему биению сердца... Но и сквозь эти глухие удары слышался разъяренный, полный боли и бессмысленной тупой злобы рык, который приближался.

Охотник прислонился к шершавой коре и утомленно закрыл глаза. Хотелось просто заснуть. «Все могло бы быть по-другому, – подумалось ему. – Все могло бы закончиться иначе. Но было бы это лучше? Вот вопрос. Можно ли разделить смерть на хорошую и плохую? И что в таком случае можно назвать хорошим? А жизнь? Можно ли сказать, что человек прожил плохую жизнь? У кого может быть право говорить так?»

Перед глазами его вновь зашевелились фигуры из прошлого, и снова вспомнился тот день, когда он окончательно решил покинуть свою прежнюю жизнь и заселиться в таежную глушь.

...На столе стояли граненый стакан, треснувшая белая тарелка с синей каймой, потертая скатерть была измазана пятнами. Андрей сидел на стуле и неподвижно потухшим взглядом смотрел в пол, подперев голову рукой. Жена собирала вещи. Тишина. Все уже было сказано, поэтому сейчас они просто молчали, и повисшее молчание давило на них, как тяжелый пресс, воздух на кухне словно стал гуще – тиканье часов с трудом пыталось его рассеять, но звук их был почти не слышен, и усилия пропа-

дали зря. Андрей подумал, что если он извинится, то еще возможно все вернуть – и тут же отчетливо понял, что не хочет ничего возвращать. Он ненавидел эту женщину, а она, похоже, ненавидела его, и единственное, чего он никак не мог понять – зачем же они жили все это время вместе?

Хлопнула входная дверь, и Андрей остался один. Но одиночество не принесло ему облегчения. Он попытался думать о работе, но эти мысли вызывали стойкое отвращение. Если уж на то пошло, любые мысли были неприятны. Раньше он приходил из офиса, быстро проглатывал еду, приготовленную недовольной и вечно хмурой женой, и сбегал от нее в компьютер. Кликая мышкой, смотрел в белый экран, боясь отвести от него взгляд, и наушники в ушах изрыгали безумную музыку, и стрелки часов бежали вперед, а затем он ложился спать, и ненавистный мир неохотно отступал на несколько мгновений небытия. Засыпал Андрей всегда быстро – чтобы сбежать в сон от приносящих тревогу мыслей.

Не в силах больше сидеть без движения, он наскоро оделся, набросил свой старый плащ и вышел на улицу. Промозглый осенний ветер подхватил его и понес, и Андрей подчинился ветру, чувствуя, как противный холод распространяется по всему телу. «Надо бы купить что-нибудь теплое, на зиму», – подумал он, но мысль эта исчезла бесследно, едва появившись. В конечном счете, ему было все равно.

Он мог бы еще долго идти, ничего вокруг не замечая, если бы прямо перед ним вдруг не выросла, словно из-под земли, вывеска бара. Андрей уцепился за нее взглядом, как утопающий цепляется за спасательный круг, и не смог пройти мимо. Он вдруг понял, чего ему хотелось сейчас – ему хотелось выпить, напиться так, чтобы забыть все, или, во всяком случае, забыть как можно больше. Он решительно направился к этой вывеске, не отрывая от нее взгляда, открыл маленькую, невзрачную дверь под ней и вошел внутрь.

Андрей вовсе не был пьяницей. По-настоящему он напивался лишь раз – давно, ему тогда еще не было двадцати. В тот раз он записал в дневнике, который вел по какой-то странной привычке: «В прошлую ночь, напившись пьяным, я ощутил вдруг, что вся моя жизнь – не более чем странный сон... На следующее утро мучился от похмелья, а в голове бродили разные странные мысли. Описывать их подробно было бы слишком долгим делом, добавлю лишь, что теперь я, кажется, знаю, зачем тибетские йоги скрываются от людей в своих горах...»

В этот раз все было несколько иначе. Склонившись над барной стойкой, Андрей заливал в себя бокал за бокалом, и полутемная комната плыла и кружилась вокруг него, полы ходили ходуном, и вообще, маленький бар напоминал корабль во время десятибалльного шторма – однако,

ощущение сна не появлялось, только лишь мысль о тибетских отшельниках почему-то никак не шла из головы.

«Йоги, йоги... – бормотал Андрей себе под нос. – Зачем же они уходят? Живут там... в пещерах... холодно... а впрочем... живут же... и зла не ведают. Да! Все зло в мире от людей... теперь я это знаю... только бы не забыть... такая интересная мысль... Жене скажу».

Он вспомнил, что больше у него нет жены, и застонал, сам не понимая, от чего ж ему так тоскливо – ведь он ее и прогнал. Чья-то ладонь легла ему на плечо. Андрей поднял голову, попытался сфокусировать взгляд на лице незнакомца, но потерпел неудачу – все плыло перед пьяными глазами, и вместо человеческого лица он видел лишь смутное, расплывчатое пятно. Пятно это хмыкнуло и хрипловатым мужским голосом произнесло:

– Эх, развезло ж тебя, паря! Домой-то сам дойдешь?

Андрей попытался отпихнуть назойливое пятно локтем, пробормотал недовольно:

– Все зло... все... зло...

И вдруг понял, что забыл ту важную мысль, которая только что пришла ему в голову, и которую он хотел сообщить человеку с пятном вместо лица. Это так расстроило Андрея, что он зажмурился и уронил голову на руки. В следующую секунду он ощутил, что его настойчиво берут под руки и ведут куда-то. Сквозь плотное марево до него доносился хрипловатый сочувственный голос:

– Ничего, ничего... сейчас такси вызову... адрес хоть помнишь свой? Адрес, говорю? А, чтоб тебя... держись на ногах нормально!

– А... а... оставьте меня в покое...

Он все никак не мог понять, куда, и, главное, зачем его тащат? Загадка эта быстро разрешилась, и уже через час Андрей, несколько протрезвевший, находился в своей пустой квартире. Было уже за полночь. Висящие на стене часы тикали скорбно и как-то удивительно мрачно, словно не извечное свое «тик-так» отстукивали, а похоронный марш. Электрический свет безжалостно резал глаза, и казалось, можно услышать, как ток потрескивает в проводах. Голова гудела, была тяжелой и совершенно пустой.

И в этой пустоте вновь всплыла назойливая мысль о горных отшельниках. «Бежать, – подумал он. – Бежать из этого кошмара... Все зло... Бежать, и чем быстрее, тем лучше».

За окном темная пелена ночи на мгновение разошлась по швам от вспышки зарницы. Тук. Тук. Стучат тяжелые капли дождя по оконному стеклу. Андрей стоит перед столом и подносит спичку к скомканно-

му вороху рабочих документов, еще недавно казавшихся важными. Тук. Тук. Огонь весело разгорается, искры сыплются на ковер, который уже начал тлеть. Тик-так. Андрей трясущейся рукой кидает в бушующее на столе пламя свой паспорт и водительские права... Огонь отражается в его глазах, и глаза его становятся веселыми и дикими, и черное безумие плещется в них, и в этой темной глубине бешено пляшет маленький огонек. Огонь. Огонь. Белый пепел... Только так. Избавиться. Сбежать. Он отступает на шаг и любуется на дело рук своих. Кажется, все?.. Его безумные глаза останавливаются на красном углу – детище суеверной жены – и рука тянется к дешевой репродукции лика Христа, но натывается на строгий, прямой взгляд Спасителя, и безумие на мгновение отступает – вместо того, чтобы бросить икону в огонь, он берет ее с собой, сам не понимая зачем. Но нужно уходить. Пламя бушует, кипит, оно внушает уже страх, и Андрей подчиняется страху... Хлопает входная дверь.

Огонь прошивает окна насквозь, с дребезгом взрывается стекло, и капли дождя шипят, испаряясь... Дождь за окном становится все сильнее – это уже стихия, муссон, тропический ливень, молнии пронзают черное небо одна за другой... только безумец выйдет из дома в такую ночь.

Бежит, спотыкаясь, маленькая черная фигурка, бежит сквозь пелену дождя, а за спиной ее разгорается зарево пожара...

Через пару месяцев в маленькой таежной деревне появился новый жилец, который вскоре стал единственным – хмурый лесной отшельник, нелюдимый и странный, и даже забредающие иногда в эти места охотники и рыбаки чурались его.

...Сердце громко бухало в груди Андрея, с шумом прогоняя кровь по венам. Зверь был здесь. Охотник, сам ставший дичью, чувствовал его приближение, хотя и не видел.

Хруст. Хруст. Хрустит снег под сапогами. Как тяжело бежать. Каждый шаг дается с трудом. Андрей останавливается и закрывает глаза. Он чувствует, как смерть подбирается к нему все ближе и ближе. Он устал бежать. В конце концов, разве смерть не называют избавлением? Все зло в мире от людей... Эта мысль, пришедшая вдруг в голову, кажется отвратительной.

Разве он сам не человек? В чем же он виноват? Разве он убивал? Крал?

– Нет, – шепчет насмешливый голос в голове (вот так и сходят с ума!). – Нет, ты не крал. Ты просто спасался бегством. Всю свою жизнь ты пытался сбежать... но куда бы ты ни шел, ты все время сопутствовал себе – от себя убежать невозможно...

– Чушь, ерунда, – шепчет Андрей, но в глубине души он знает, что

голос прав. Более того, он знает, понимает, кому принадлежит этот голос – это вовсе не голос безумия, и Андрея бросает в дрожь...

– Ты и сейчас убегаешь, – шепчет голос.

– Ты ищешь спасения в смерти. Ты хочешь, чтобы смерть спасла тебя... от чего, от жизни? Как глупо... ты опять ошибся! Просчитался! Но этот раз станет последним...

Жгучий стыд выплескивается на Андрея, словно теплая, грязная вода, и он открывает глаза. Медведь стоит всего в нескольких шагах от него – огромная туша из мышц, костей и жира... зловонная слюна капает на снег, глаза налиты кровью...

Рука тянется к ножу, достает его из самодельных поясных ножен. Андрей все понимает, но он устал бежать – вот, что делает с людьми одиночество! Этот раз станет последним, и бояться нет смысла – смерть просто дешевая подделка. Рука крепче сжимает рукоять. Еще крепче.

Зверь бросается с места внезапно, он чудовищно быстр, но охотник уходит в сторону плавным перекатом, и широкое, остро вспыхнувшее лезвие оставляет на морде шатуна болезненный порез. Обезумев, тот поднимается на задние лапы, он больше ничего не видит и не слышит перед собой, он думает лишь о мести – Убить! Разорвать врага! – и кровавое безумие становится для него погибелью.

Медведю удается полоснуть охотника по плечу страшными когтями, прежде чем тот успевает вспороть ножом живот хищника и отскочить в сторону. Внутренности вываливаются из утробы зверя, он хрипит и бьется в агонии, а всего через пару минут наступает тишина...

Багровый диск солнца весело поливает пробуждающийся зимний лес своим розоватым утренним светом. День обещает быть хорошим и безоблачным. Весело поют птицы, вокруг раскинулась бескрайняя тайга, и все хорошо. Так, как и должно быть.

Андрей с наслаждением вдыхал зимний морозный воздух и улыбался. Наверное, начиная с беззаботной поры детства, он впервые улыбался так – просто и со счастьем. Кровь сочилась через повязку, но это не волновало его – он знал, что будет жить, и жизнь его только началась, и будет она, эта жизнь, прекрасной. Он больше не побежит. Он вернется к людям.

Торжественно стремящееся к зениту светило благословляло Андрея. Наступал рассвет его жизни. Наступало Время Рассвета.